

лениздат

библиотека
молодого
рабочего

В. Арзаматский
**Ленинградская
зима**

Ардаматский В.

А79 Ленинградская зима: Повесть.— Л.: Лениздат,
1986.— 270 с.— (Б-ка молодого рабочего).

В книге рассказывается о трудной и опасной работе чекистов
в годы Великой Отечественной войны в осажденном Ленинграде.

А $\frac{4702010200-048}{M171(03)-86}$ 220—86

84.3(2)7

**Василий Иванович
АрдаMATский**

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ЗИМА

Повесть

Зав. редакцией А. И. Белинский
Редактор В. М. Шевелева
Художественный редактор А. К. Тимошевский
Художник А. В. Ежелин
Технический редактор Г. Н. Белова
Корректор Ю. П. Порошина

ИБ № 3770

Сдано в набор 17.02.86. Подписано к печати 18.06.86.
М-27906. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Гарн. ли-
терат. Печать высокая. Усл. печ. л. 14,28. Усл. кр.-
отг. 14,70. Уч.-изд. л. 15,08. Тираж 300 000 экз. За-
каз № 262. Цена 95 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023,
Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного
Знамени типография им. Володарского Лениздата,
191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

Набрано и сматрицировано в ордена Ленина типогра-
фии «Красный пролетарий». 103473. Москва, И-473,
Краснопролетарская, 16. Заказ 1620.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая	3
Часть вторая	153

библио
молод
рабоче

В. Арзаматский
Ленинградская
зима

ПОВЕСТЬ

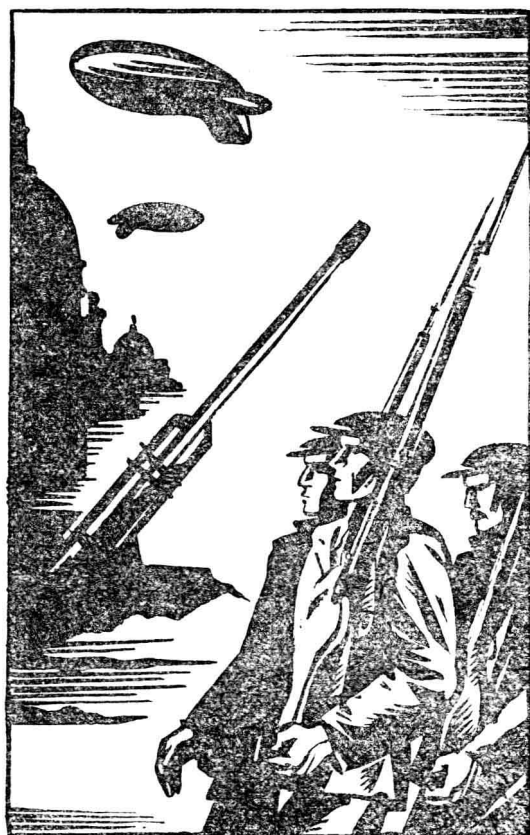
ЛЕНИЗДАТ • 1986

84.3(2)7
А79

А $\frac{4702010200-048}{M171(03)-86}$ 220—86

© Оформление, Лениздат, 1986

**ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ**

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Шел июль сорок первого года — война с Россией была в полном разгаре...

Михель Эрик Аксель терпеливо ждал назначения. Каждое утро он приходил на Тирпицуфер, в главный штаб абвера, и прежде всего направлялся в протокольный отдел — приказа все не было. Аксель — достаточно зарекомендовавший себя офицер абвера, чтобы не нервничать и знать, что впереди его ждет достойное дело. Временно он работал в отделе систематизации разведанных. Это тоже было приятное занятие — ежедневно, ежечасно, хотя бы по донесениям, наблюдать, как немецкие войска стальными клиньями вламываются в страну большевиков, берут их города, сея там ужас и панику. С несколько ревнивым чувством он читал информацию, поступающую из разведывательно-диверсионного центра «Сатурн», который вместе с центральной группой войск был нацелен на Москву. Перед началом кампании он ожидал, что «Сатурн» будет поручен ему. Он очень хотел этого и был поражен, когда начальником «Сатурна» назначили Зомбаха — одного из «серых полковников» абвера; эти полковники только тем и славились, что у них безупречные биографии.

Аксель в военной разведке всего пять лет, но в его послужном списке уже немало серьезных дел... Главное, конечно, Мадрид. Его послали туда в 1936 году, когда генерал Франко поднял мятеж против Испанской республики. В Мадридском университете тогда появился молодой немецкий ученый — долговязый, с приятным интеллигентным лицом. Его интересовали документы и свидетельства о распаде Византии в результате четвертого крестового похода, в бесконечно далеком XIII веке. До того как стать работником абвера, Аксель три с половиной года учился во Франкфурте, в университете имени Гёте, на историческом факультете, так что в обилие неразговорчивого мужа науки ему было не так уж трудно вводить в заблуждение даже образованных людей и оправдывать приставку «д-р» на своей визитной карточке. Впрочем, всем известно, как легко получить в Германии докторское звание.

Аксель исправно ходил в архив Мадридского университета и работал с древними рукописями и документами. Там он трудился до полудня, а во второй половине дня занимался разведкой — вербовал агентов, изучал настроение республиканской столицы.

Войска Франко, поддержанные Германией и Италией, готовились к решающему наступлению. В эти дни Аксель получил приказ выехать через Португалию в порт Кадис и в определенный день и час подняться там на борт аргентинского парохода «Анхела»...

Он сделал все, как было приказано, и в капитанской каюте парохода увидел главу абвера Вильгельма Канариса.

Обязанный профессией ничему не удивляться, Аксель сдержанно приветствовал шефа и вытянулся, ожидая приказаний.

Канарис в черном кителе гражданского моряка сидел на вертящемся кресле. Не поднимаясь, он тихим, глуховатым голосом поздравил Акселя с присвоением ему звания капитана.

— Впрочем, вы знаете: у нас в абвере звание — вещь условная, безусловно только одно — талант разведчика. — Черные маслянистые глаза Канариса мазнули по высокой фигуре Акселя сверху вниз. — Однако когда есть и то и другое, можно радоваться... — Сделав секундную паузу, он дружески улыбнулся. Это было для Акселя великой наградой.

Канарис упруго выбросил свое плотное, погрузневшее тело из кресла и, подходя к Акселью, сказал:

— Я читал ваши донесения. Там все правда?

Аксель молчал, но не мог скрыть обиды.

Канарис выжидательно снизу вверх смотрел на него. Недовольно сдвинув свои густые брови и отступив на шаг, он показал Акселью на диван.

— Присядьте, капитан. Что-то вы слишком впечатлительны...

Аксель сел в угол дивана, неудобно скрестив свои длинные ноги.

Канарис прислонился спиной к иллюминатору, от этого в каюте стало темнее, и Аксель перестал видеть лицо шефа.

— Фюрер ставит перед нами новые задачи...— негромко заговорил Канарис.— Совершенно новые... Франко скоро начнет последнее наступление. Мы ему поможем. В Мадриде, Барселоне и в других городах нужно срочно создать отряды из верных, хорошо вооруженных людей, которые в нужный момент ударят республике в спину. Франко будет наступать на Мадрид четырьмя колоннами, наши отряды будут пятой. Ваше мнение— это можно сделать? Сидите, пожалуйста.— Канарис опустил в кресло и сидел боком, не поворачиваясь к Акселью, не хотел мешать ему собраться для точного ответа.

— Испанцы очень своеобразны...— начал Аксель.

— Я прекрасно знаю испанцев, с ними можно иметь дело, за волевыми людьми они идут охотно.

— Степень их надежности...

— Главной силой «пятой колонны» должны стать люди, для которых победа красных означала бы их гибель,— перебил Канарис.— Этот принцип отбора охранит вас от дорогостоящих ошибок.

— Анархистов брать?— осторожно спросил Аксель.

— Только на слепые роли, люди, которые выступают против всякой власти, опасны...

Каждое новое сомнение Канарис отсекал со все большей резкостью, но Аксель не торопился соглашаться. Он отлично помнил крылатое выражение Канариса, что уверенность рождается, когда умирают сомнения. Дело стоило того, чтобы хорошо его обдумать.

— Начав эту работу, мы подвергнем себя большому риску, я и теперь все время чувствую контрразведку за своей спиной,— сказал Аксель.

— Согласен — риск есть... — Канарис наклонил голову, и его глаза спрятались под кустистыми седеющими бровями. — Да, кто-то провалится и погибнет, — продолжал он. — Может быть, и вы. А кто-то доведет дело до победного конца. — Канарис снова замолчал, давая возможность Акселю прочувствовать услышанное. — А главное, — продолжал он, — фюрер говорит нам: любое общество, любое государство в момент больших потрясений слепнет и глохнет...

Это было сумасшедшее дело... Забыв о Балдуине Фландрском, Аксель с рассвета до поздней ночи носился по Мадриду на купленном по случаю стареньком горбатом «фиате». Он вербовал верных людей в свою «пятую колонну», добывал оружие и складывал его в тайники. Он настолько обнаглел, что в отеле, где жил, снял еще две комнаты, разместил в них свой штаб — там сидели два испанских фалангиста, его помощники, которые совершенно открыто вели запись желающих воевать в рядах «пятой колонны».

Все шло как по маслу, и в нужный час «пятая колонна» вышла на улицы Мадрида, напала на его защитников с тыла и этим сильно ускорила падение города.

Канарис запомнил Акселя, и тот вернулся в Берлин, на Тирпицуфер, уже майором.

Весной 1939 года Аксель получил новое ответственное задание и спешно выехал в Советский Союз. Его мадридская легенда была признана настолько удачной и прочной, что ее решили не заменять, а лишь немного подправить. Он отправился в Ленинград снова в качестве историка, под тем же именем. И снова его интересовали хитросплетения византийской истории.

— Задание фюрера срочное, но это совсем не значит, что надо спешить, — говорил Канарис, прощаясь с Акселем. — Трех-четыре-х месяцев, думаю, вам хватит. Зная вас как мастера сомнений... — улыбнулся он, — я не желаю вам удачи, я твердо верю в нее...

Ровно в девять утра Аксель появлялся в Государственном Эрмитаже — всегда в одном и том же скромном потертом костюме, длинноногий, медлительный, с внимательными светлыми глазами за стеклами очков. Вскоре он уже называл работавших с ним сотрудников по имени и отчеству, мило коверкал русские имена и, смеясь, извинялся за это. Он объяснял, что родился и рос

в Риге, что его отец состоял компаньоном в русско-немецкой коммерческой фирме, а его лучшим другом детства был русский мальчик. С тех пор он знает русский язык, очень плохо, конечно...

Он был очень серьезен, медлителен, молчалив, не тратил ни минуты на праздные разговоры и редко вставал со своего места за огромным дубовым столом, заваленным древними манускриптами. Когда сотрудники музея шли в буфет обедать, он оставался на своем месте и однажды смущенно объяснил, что буфет не предусмотрен его скромным бюджетом. По этой же причине он живет не в отеле, а в канцелярии немецкого консульства.

— Сейчас у нас в Германии все средства отданы науке военной, а мы, историки, — просто нищие, — печально закончил он и испуганно расширил глаза: не слышал ли кто-нибудь посторонний его смелое заявление?

Сотрудники сочувственно и понимающе вздыхали, давая понять, что здесь опасаться некого, и тащили его в буфет.

После работы Аксель огибал пустынную Дворцовую площадь, шел мимо Адмиралтейства, обходил огромный Исаакиевский собор и через сквер направлялся в гостиницу «Астория». Там он обедал долго и со вкусом — русская кухня после берлинских эрзацев доставляла ему большое наслаждение. Отобедав, он покупал в вестибюле «Астории» газеты и шел через площадь в мрачное прямоугольное здание немецкого консульства, где действительно жил, но не в канцелярии, как он рассказывал, а в прекрасной комнате, которую предоставил ему консул Зоммер, его коллега по абверу и давний знакомый. Вечерами они вместе просматривали информацию агентов, работавших на консульство, составляли дописания в Берлин и обсуждали меморандум о Ленинграде, который должен был написать Аксель. Перед сном они позволяли себе партию в шахматы. И всегда за игрой возникал один и тот же спор...

Чем дольше Аксель жил в Ленинграде, тем больше поражал его этот громадный, непохожий на другие русский город. А консул не видел в Ленинграде ничего особенного, кроме того, что в нем, как в любом другом индустриальном городе, много заводов, а значит, много опасного пролетариата. Зоммер посмеивался над впечатлениями своего коллеги и называл их дамскими. Ак-

сель называл позицию Зоммерае. Такие меморандумы о И как во всяком споре, для Акселя не только военный по лась истина...

В этой поездке главной задачей Акселя было составить меморандум о Ленинграде. Такие меморандумы о шести советских городах готовились по требованию самого фюрера. Гитлер хотел знать не только военный потенциал каждого из этих городов, но и состав жителей, образ их жизни и настроения. Аксель понимал всю сложность стоящей перед ним задачи и немного досадовал, что ему было предложено заняться в Ленинграде еще и вербовкой агентов,— для двух таких серьезных дел не хватало времени.

Наступил канун Нового года. Консул на рождественские дни уехал в Москву, чтобы провести праздник среди своих в немецком посольстве. Акселю для встречи Нового года консул распорядился заказать столик в «Астории». С ним пойдут две девушки из консульства — секретарша консула Лора и сотрудница шифровального отдела Клара.

Их столик оказался на возвышении, в боковой галерее, откуда хорошо был виден весь зал, в центре которого стояла большая елка с красной пятиконечной звездой на макушке. Аксель с большим любопытством наблюдал, как зал заполнялся людьми — удивительно разными по возрасту, по манере держаться и даже по одежде. Рядом, у большого стола, уселась компания гражданских моряков. Их дамы старались держаться небрежно и величественно, но это плохо им удавалось — атмосфера шикарного ресторана была для них непривычна. Поодаль тесно облепила стол шумная компания молодежи. Парни были одеты, как показалось Акселю, небрежно, двое из них были даже без галстуков, в спортивных рубашках с расстегнутым воротом. А их девушки, наоборот, старательно принарядились, завились, подкрасили губы. Вытянув шеи, они с жадным любопытством глядели по сторонам и перешептывались.

Спутницы Акселя были одеты просто, держались непринужденно, казалось, им нет никакого дела до всего, что происходит вокруг. Лора с ее почти белыми, падавшими на плечи волосами могла считаться классическим типом нордической женщины, настоящей арийки — у консула Зоммера был недурной вкус. У Клары — длинные черные глаза, а черные волосы вились крупными кольцами. Она была тоже красива по-своему.

Откуда-то сверху раздался хорошо знакомый всем голос диктора — началось официальное новогоднее поздравление по радио из Москвы. Все встали с бокалами в руках. Поздравление показалось Акселю слишком длинным, он с удивлением наблюдал, как внимательно и серьезно все вокруг слушали то, что говорила Москва. Он показал глазами своим дамам, что надо встать, и они тихонько поднялись с бокалами в руках.

Наконец послышались звуки гимна. Раздался нестройный крик «ура!». Захлопали пробки шампанского. Зазвенели бокалы. Слышались возгласы, люди целовались, снова кричали «ура!» и смеялись.

Аксель чокнулся со своими дамами и сказал им негромко:

— За фюрера...

— Прозит... прозит... — ответили они и дружно выпили.

Общий веселый гул становился все сильнее.

За соседним столом поднялся громадный усатый мужчина в черном кителе моряка. Он громко постучал ножом по тарелке, добиваясь за своим столом тишины, и поднял наполненную рюмку.

— За наших прекрасных женщин! — громко сказал он простуженным басом и протянул рюмку, чтобы чокнуться, к такой же большой, как он сам, даме.

— Ура-а-а-а! — закричали мужчины, вставая.

Аксель поднял свою рюмку и тихо сказал своим девушкам:

— Я присоединяюсь к тому, с усами.

Они сдвинули бокалы и выпили.

Теперь на небольшом пространстве, свободном от столов, образовалась тесная толчея танцующих.

Аксель танцевал с обеими девушками по очереди, скоро устал и запросил пощады. Ему хотелось посмотреть на то, что творилось в зале, это было просто интересно.

В русских непонятно сочетались какая-то сосредоточенная дисциплинированность, которая заставляла их простоять десять минут, слушая радиоречь из Москвы, и искренняя непосредственность, веселье. Люди, явно незнакомые в начале вечера, быстро знакомились, сдвигали столики и вместе распевали песни... Веселье становилось все более шумным.

Во втором часу ночи к их столику с наполненной рюмкой в руке подошел молодой мужчина в смокинге. Смо-

кинг был ему немного велик, будто с чужого плеча, но крахмальный пластрон красиво облегал сильную грудь и смуглую шею. Он был высок, с вьющимися темными волосами и красивым лицом — такие лица Аксель называл валетными: в них было трудно найти какую-нибудь характерность.

— С Новым годом, друзья! — сказал он на хорошем немецком языке, шаркнул ногой и потянулся рюмкой к Лоре, чтобы чокнуться. Лора сидела неподвижно и как будто не видела его, но незнакомец, нисколько не смутясь, продолжал: — У нас в новогоднюю ночь все — друзья... и как друг я обязан прийти вам на помощь... — обратился он к Акселю. — Прошу вашего разрешения потанцевать с одной из ваших дам.

Аксель предоставил своим девицам самим решить этот вопрос. Они одновременно встали, и все рассмеялись. Аксель пошел танцевать с Кларой, а с незнакомцем танцевала Лора.

— Танцует великолепно, но сильно пьян, — сообщила Лора, вернувшись к столу. — Недавно развелся с женой. Фамилия — Горин... Работает юрисконсульт в издательстве и в каких-то двух местах еще. Если не врет, конечно...

После второго танца Лора доложила:

— Говорит, что ему опостылела его компания, набивается к нам.

— Ни в коем случае, — предупредил Аксель и деловито спросил: — С лирикой не лезет?

— Еще как! — рассмеялась Лора. — Вот и сейчас не сводит с меня глаз и все поднимает бокал со значением. Отметил, что у меня божественная фигура.

— Если попросит, дайте ему свой телефон, — улыбаясь, сказал Аксель. — Спрашивал, кто вы?

— Ваша секретарша. А вы ученый, в командировке.

— Прекрасно, Лора, на месте Зоммера я держал бы вас не секретарем.

После очередного танца юрист подвел Лору к столу и бесцеремонно уселся на свободное место. Тотчас за его спиной возникла статная фигура распорядителя бала.

— Простите, пожалуйста, но, по-моему, вы перепутали столики, — сказал он, кланяясь.

— Я сижу где хочу, — обиделся юрист. — Или в нашей стране это запрещается?

— Нет, почему же? Сидите где хотите, только бы наши гости не возражали, — объяснил распорядитель.

— Мы не возражаем, господин помогает мне в танцах,— пошутил Аксель, и распорядитель, извинившись, отошел.

Юрист долго еще не мог успокоиться, ворошил свои густые темные волосы, тряс головой и все бубнил о своем праве сидеть где угодно, даже если это право и не записано в Конституции.

Аксель внимательно наблюдал за новым знакомым. «Если притворяется, то делает это великолепно...» — подумал он и сказал своим девушкам, что пора идти домой.

Отвязаться от пьяного юриста стоило немалого труда...

Спустя два дня он позвонил Лоре, и они встретились на Островах.

Вскоре состоялось второе их свидание.

— Ничего, кроме легкого флирта,— строго инструктировал Аксель.

— Нет! Я выйду за него замуж, у него синие глаза, не отговаривайте меня! — смеялась Лора...

За вторым свиданием последовало третье, четвертое. Аксель сначала издал, по рассказам Лоры, изучал юриста и все больше убеждался, что этот человек может представить для него интерес. Прошло, однако, немало времени, прежде чем Аксель снова встретился с Гориным и принял решение о его вербовке.

Краткие данные к портрету завербованного в Ленинграде агента. Кодовое имя Девис. Составлено майором Акселем на основании четырехмесячного наблюдения.

Горин Михаил (Григорьевич). Возраст 38 лет. По образованию юрист. Хорошо владеет немецким языком. Происходит из старой петербургской интеллигентной семьи. Отец тоже юрист, умер в 1931 году. Мать находится на его иждивении, по его словам,— вздорная старуха, из-за которой у него произошел разрыв с женой. Живет вдвоем с матерью в отдельной квартире, в центре, на Невском проспекте. Работает юристом-консультантом в издательстве и по совместительству в Ювелир-торге и в Торговом порту. Легкомыслен в отношениях с женщинами. В настоящее время уверен в развитии его романа с сотрудницей консульства Л. Шарп, работа которой в этом направлении заслуживает всяческого поощрения.

Стимул агента Девиса — его убежденность, что он достоин гораздо лучшей жизни, чем та, которую он вынужден вести. Государственный строй ему неважен, так как собственных политических убеждений у него нет. Имеет определенную склонность к западной жизни, к чисто бытовой ее стороне — красивые, хорошие вещи, развлечения и т. п. Несмотря на хороший заработок (он работает в трех местах), постоянно нуждается в деньгах. Хорошо и модно одевается. Азартный картежник. Пьет умеренно, но в состоянии опьянения плохо себя контролирует. Он уверен, что Запад со временем предоставит ему красивую и богатую жизнь, хочет и будет стараться заслужить право на это. В данный момент его главный недостаток — непричастность к делам и объектам, которые нас особо интересуют. В скором будущем возможен его переход на работу, находящуюся ближе к нужным объектам. Он прилагает усилия в этом направлении.

Однако уже сейчас он дает очень полезные данные о настроениях в пестрой среде городской интеллигенции.

Резюме: перспективный агент...

Подписывая этот документ, Аксель был уверен, что завербовал полезного и перспективного агента. Но Горин как бы не подтверждал общую концепцию, которую Аксель выработал для Ленинграда и ленинградцев. Почему он равнодушен к городу, где родился, вырос и живет всю свою жизнь?

Не город же виноват в том, что ему не выпала судьба, какой он хотел? Иногда он высказывается критически о режиме, но Аксель видит за этим лишь любовь к анекдотам, а не какое-нибудь убеждение. Все это нужно еще выяснить...

Они встречались все чаще и каждый раз в новом месте. Горин довольно быстро усваивал элементарные методы конспирации, запоминал несложный шифр для письменных донесений, технику тайнописи. Жил он на Невском, в громадном доме со сложным проходным двором, где было много закоулков, каких-то выступов, тупичков, подъезды были расположены в глубоких нишах. Аксель зашел сюда днем и долго гулял по двору.

Вечером он принес Горину домой пачку свежих немецких иллюстрированных журналов и тысячу рублей за полученную от него информацию.